О. Ф. Ерышев, А. М. Спринц

ЛИЧНОСТЬ И БОЛЕЗНЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНИЕВ

2-е издание, дополненное

Санкт-Петербург
СпецЛит
2015

УДК 616. 89(021):7:929
Е80

Ерышев О. Ф., Спринц А. М.

Е80 Личность и болезнь в творчестве гениев / О. Ф. Ерышев, А. М. Спринц. — 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург : СпецЛит, 2015. — 255 с. — ISBN 978-5-299-00666-7

Книга знакомит читателя с биографиями некоторых великих людей — писателей, поэтов, художников и композиторов, живших в разные эпохи и страдавших психическими расстройствами или выраженными аномалиями характера. Авторы попытались проследить влияние психических расстройств гениальных людей на их творчество. Оказывается, что болезнь, как правило, не разрушает творческих возможностей, а иногда и обогащает их, а также своеобразно расцвечивает грани творчества. В то же время гении колоссальными усилиями пытаются преодолеть негативные болезненные проявления, мешающие творческому процессу. Знакомство с жизнью этих необыкновенных творцов помогает лучше понять то, что они оставили нам в наследие.

На обложке — картина М. Чюрлёниса «Летит черная беда».

УДК 616. 89(021):7:929

ISBN 978-5-299-00666-7

© ООО «Издательство „СпецЛит“, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*А. М. Спринц*) 5

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

Николай Васильевич Гоголь (*О. Ф. Ерышев*) 8
Константин Николаевич Батюшков (*А. М. Спринц*) 23
Торквато Тассо (*А. М. Спринц*) 31
Жан-Жак Руссо (*А. М. Спринц*) 38
Жерар де Нерваль (*О. Ф. Ерышев*) 44
Август Стриндберг (*О. Ф. Ерышев*) 50
Даниил Хармс (*О. Ф. Ерышев*) 61
Велимир Хлебников (*А. М. Спринц*) 76
Эдгар Аллан По (*А. М. Спринц*) 88
Всеволод Михайлович Гаршин (*А. М. Спринц*) 95
Эрнест Хемингуэй (*А. М. Спринц*) 103
Циклотимия Александра Сергеевича Пушкина: болезнь или «божий дар»? (*А. М. Спринц*) 112
Николай Алексеевич Некрасов (*О. Ф. Ерышев*) 118
Джонатан Свифт (*А. М. Спринц*) 134
Лев Николаевич Толстой (*А. М. Спринц*) 145
Федор Михайлович Достоевский: своеобразие письма, сентиментальность, пророческий дар и болезнь (*А. М. Спринц*) . . 154
Франц Кафка (*А. М. Спринц*) 162

ХУДОЖНИКИ

Загадка Иеронима Босха (*О. Ф. Ерышев*) 171
Винсент Ван Гог (*О. Ф. Ерышев*) 183

Микалоюс Чюрлёнис: художник, композитор, бедняк (*А. М. Спринц*) 207

КОМПОЗИТОРЫ

Роберт Шуман. Схватка гения с болезнью (*А. М. Спринц*) . . . 217
Джоаккино Россини (*О. Ф. Ерышев*) 225
Модест Петрович Мусоргский (*О. Ф. Ерышев*) 232
Заключение (*А. М. Спринц*) 252
Литература 254

ВВЕДЕНИЕ

Даже согласившись, что гениальные люди бывают странны или, как говорится, нет великого ума без капельки безумия, мы не отречемся от них.

Дени Дидро

Люди, не обладающие знаниями в области психиатрии, обычно считают, что душевная болезнь может только погубить в человеке творческое начало и что наличие такой болезни отрицает какое бы то ни было творчество. При этом существует определенная категория людей, завистливых посредственностей, которые со злорадством встречают сообщение, что некоторые гениальные личности были или стали душевнобольными, и распространяют это на всю категорию гениев. Но есть и те, кто относятся к душевнобольным чуть ли не с почтением, считают всех их гениальными и интересными и испытывают перед ними некоторый страх.

На наш взгляд, все вышеуказанные суждения неправомерны.

При замысле этой книги перед нами возникла определенная этическая проблема: стоит ли сведения о душевном расстройстве некоторых творцов делать достоянием широкой публики? То есть переводить научные сведения на уровень научно-популярных? Не принизит ли это значимость творца в глазах публики, не даст ли посредственности дополнительный повод для злорадства?

Вспомним, однако, гениальную фразу Михаила Булгакова, вложенную в уста Иешуа (роман «Мастер и Маргарита»): «Правду говорить легко и приятно». Именно сокрытие правды дает дорогу необоснованным слухам и суждениям, тормозит мысль и открывает щель для злорадства. Это во-первых.

Во-вторых, все зависит от того, как подать материал для широкой публики. Можно подать как сплетню, а можно так, чтобы читатель почувствовал сострадание к людям, пораженным, может быть, самым страшным недугом, сопереживал их страданиям, почувствовал искренний интерес к психиатрии, а также впервые осознал, что взаимоотношения душевной болезни и творчества могут быть чрезвычайно интересными и далеко не однозначными. *Соотноше-*

ние душевного расстройства и творчества — сквозная тема всего нашего труда.

Мы пишем эту книгу для людей, неискушенных в психиатрии, поэтому не перегружаем ее специальной терминологией, а там, где без нее не обойтись, общедоступно расшифровываем термины.

Отметим, что в психиатрической литературе анализу жизни и творчества известных исторических деятелей, писателей и художников посвящено немало трудов (о русских царях Иване Грозном, Петре I и Павле I писал П. И. Ковалевский; о Гоголе и Пушкине — В. Ф. Чиж; о Врубеле — Н. Г. Шумский; о Стриндберге и Ван Гоге — К. Ясперс; о Распутине — А. П. и Д. А. Коцюбинские; о Сталине, Гитлере — А. Е. Личко и др.). Однако в этих работах применяется углубленный психиатрический анализ, порой весьма сложный.

О соотношении «гениальности и помешательства» подробно писал знаменитый итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835—1909). Особенностям строения тела и темпераменту «гениальных безумцев» посвятил немало страниц другой великий психиатр, профессор из Тюбингена Эрнст Кречмер (1888—1964). Однако Ч. Ломброзо рассматривал проблему в общем, а Э. Кречмер не соотносил свои наблюдения с творчеством гениев.

Опираясь на наблюдения разных авторов, в том числе времен античности, Ч. Ломброзо пишет о многих людях, обладающих замечательным талантом, но обнаруживающих признаки помешательства. Однако он же (и не раз!) подчеркивает отсутствие идентичности понятий «гениальность» и «помешательство»: «В числе гениальных людей были и есть помешанные, так же как между последними бывали субъекты, у кого болезнь вызвала проблески гения, но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило впасть в громадное заблуждение. Было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков помешательства».

Наш современник, известный литератор и переводчик Григорий Чхартишвили также не находит однозначной связи «безумия и гениальности», однако пишет, что они находятся «в одном поле».

Интересно замечание Э. Кречмера: «Высокая одаренность сочетается с резко выраженными личностными особенностями... без которых гений становится ординарным способным человеком».

Этими особенностями могут быть и чрезвычайно глубокая эмоциональность, и склонность к бурным эмоциональным взрывам, и необыкновенно высокая психическая активность, и напряженная

погруженность в свой внутренний мир. Однако все это не душевная болезнь, а всего лишь свойства характера.

Таким образом, ни Ч. Ломброзо, ни Э. Кречмер влияние болезни на творчество отдельных гениев почти не рассматривали. Однако это влияние всегда весьма значимо, так как болезнь неотделима от личности и от психической деятельности гения. С одной стороны, она относительно редко приводит к разрушению творческих возможностей, иногда даже обогащает. С другой, в некоторых случаях напряженное творчество-«самосожжение» может привести гения к тяжелому психическому расстройству, парализующему продуктивную деятельность.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Эта несносная болезнь... Она меня сушит

Н. В. Гоголь

Художник Ф. Мюллер,
Русская портретная галерея. Ок. 1840

Имя Николая Васильевича Гоголя по праву стоит вторым после А. С. Пушкина в ряду гениев русской литературы, и нет необходимости много говорить о его значении для нашей культуры. Недаром в свое время, прочитав первое произведение Ф. М. Достоевского «Бедные люди», Н. А. Некрасов и В. Г. Белинский восклицали: «Новый Гоголь явился!». Это была действительно наивысшая похвала. В дальнейшем никто не удостаивался такой оценки. Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин были и до сих пор остаются величайшими русскими сатириками. Но вместе с тем «Шинель» Гоголя — одна из первых пронзительных трагедий о «маленьком человеке». Восхищаться Гоголем можно без конца, и никакие самые возвышенные и хвалебные слова при этом не будут преувеличением. В. Г. Белинский писал: «С Гоголя начался русский роман и русская повесть, как с Пушкина началась истинно русская поэзия... Гоголь внес в нашу литературу новые элементы, породил множество подражателей, навел общество на истинное содержание романа, каким он должен быть; с Гоголя начинается новый период русской литературы...». Словом, в величии и гениальности Гоголя никто усомниться не может. Знакомясь в детстве с произведениями Гоголя, всю жизнь перечитывая их, мы не перестаем ими восхищаться. Но знакомство с его биографией вызывает массу вопросов, на

которые трудно найти вразумительные ответы без обращения к компетентным специалистам, в частности к психиатрам.

Известно, что еще при жизни Гоголя, во второй половине 1840-х годов, многие говорили, что у него «что-то тронулось в голове», а тот же В. Г. Белинский писал ему: «Вы больны, и вам надо спешить лечиться...». Он имел в виду одно из последних произведений Гоголя — «Выбранные места из переписки с друзьями». Действительно, и его поступки, и содержание некоторых произведений, особенно в конце не столь долгой жизни (он прожил 43 года), мягко говоря, вызывают недоумение. Многие изучали и анализировали жизнь великого писателя, в том числе и психиатры, и большинство из них пришли к выводу, что Гоголь был психически болен и что все нелепые и неприглядные моменты в его жизни и творчестве — результат именно этого. Благодаря этим исследованиям мы довольно много знаем о личной жизни Гоголя, о его привычках, отношениях с близкими людьми, можем анализировать многие его поступки и стараться понять их, наконец, оценить влияние его психического состояния в различные периоды жизни на характер творчества.

Чтобы разобраться в перипетиях жизни человека, который предположительно страдал психическим заболеванием, следует ознакомиться с его наследственностью. Гоголь родился 20 марта (1 апреля по новому стилю) 1809 года. Его отец, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, был, судя по всему, человек добродушный, ленивый, средних способностей, «от нечего делать» сочинявший банальные стихи и пьесы, не вызывавшие интереса у окружающих. Он умер от чахотки в 43 года, в таком же возрасте скончался впоследствии его единственный сын. Хроническое заболевание отца вполне могло повлиять на здоровье Гоголя, обусловив хрупкость его нервной системы. Немалый интерес в этом отношении вызывают и сведения о матери писателя, Марии Ивановне, родившей сына Николая в 15-летнем возрасте, а всего рожавшей 12 раз. Ее характеризуют как женщину добрую, отзывчивую, способную сочувствовать чужому горю, непритязательную и непрактичную. Ей были свойственны беспричинные и довольно выраженные колебания настроения: периоды оживления и подвижности сменялись состояниями «мечтательности», медлительности, вялости, обращавшими на себя внимание окружающих. Некоторые отмечали ее недоверчивость и подозрительность. Все это свидетельствует о ярко выраженных особенностях характера матери Гоголя, в частности таких, которые могут передаваться по наследству. И, как мы потом увидим, подозри-

тельность и угнетенное настроение имели место в болезненных переживаниях писателя.

Гоголь рос болезненным («золотушным») ребенком. В гимназии учился плохо, не любил физических упражнений. Со сверстниками и преподавателями у него были неровные отношения. Его дразнили, а он зло насмехался над товарищами и учителями. Но вместе с тем был живым отроком, склонным к шутке и розыгрышу. В нем рано проснулось желание сочинять. Даже на уроках, делая вид, что читает книгу, Гоголь умудрялся записывать свои сочинения в тетрадь, которая была спрятана в ящике стола. Когда его лишили возможности сочинять на уроках, он «взбесился». Один из его товарищей так описывает этот эпизод из юности будущего писателя: «Сбежались мы и видим, что лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкают каким-то диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель — взбесился! Прибежал и флегматический директор Орлай, осторожно подходит к Гоголю и дотрагивается до плеча: Гоголь схватывает стул, взмахнул им — Орлай уходит... Осталось одно средство: позвали четырех служащих при лицее, приказали им вязать Гоголя и отвести в особое отделение больницы. Вот инвалиды улучили время, подошли к Гоголю, схватили его, уложили на скамейку и понесли, раба божьего, в больницу, в которой пробыл он два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного...». Странная история, не правда ли? Не каждый пожелает, даже борясь за свое право писать произведения на уроках, симулировать при этом психическую болезнь и два месяца сидеть в психиатрическом отделении. Иными словами, вполне вероятно, что Гоголь перенес короткое психическое расстройство, которое было принято окружающими за капризничанье, стремление во что бы то ни стало добиться своего. Описываемая картина очень напоминает возбуждение при остром психическом расстройстве. Даже если считать ее реакцией на обиду или притеснение, она выглядит крайне резкой, не соответствующей вызвавшему ее раздражителю. Дальнейшие события подтверждают правомерность такого предположения.

Пожалуй, мы не согласимся с мнением В. Ф. Чижа (известного отечественного психиатра конца XIX — начала XX века), что у Гоголя с юности были «бредовые идеи» величия, в связи с чем он казался весьма надменным и, окончив гимназию всего лишь «по второму разряду», не зная языков и т. д., очень высоко ценил свои потенциальные возможности, впрочем, ничем их пока не подтверждая.

Скорее всего, имели место особенности характера, усиливающиеся в течение жизни: эгоцентризм, юношеский максимализм, капризность, особенно ярко выражавшаяся в его неприятии отдельных людей, а в дальнейшем и в манере публичного чтения произведений. Вот связанные с этими чертами примеры его поведения: Гоголь мог без объяснения уйти из гостей при появлении неприятного ему человека или притвориться спящим в кресле и «проснуться» сразу после его ухода; иногда он сбегал из гостей, только там появившись, чем приводил в крайнее смущение хозяев; в поездках он представлялся другой фамилией (психологически это выглядит оправданно, как попытка избежать ненужного общения, но частота подобных происшествий, отсутствие каких-либо объяснений — уже нелепость). Иногда его приходилось чуть ли не на коленях упрашивать почитать что-нибудь «свое», хотя об этом был договор, в другой раз он мог прийти и начать читать без предварительной договоренности. Что касается высокомерия Гоголя и его «сверхкритического» отношения к окружающим, то не исключено, что именно эта черта характера и способствовала в дальнейшем формированию его сатирического таланта. В характере Гоголя, безусловно, были параноические черты (параноики — это люди настойчивые, уверенные в своих действиях, упрямые, обычно переоценивающие собственные возможности, нередко активно продвигающие в жизнь какую-нибудь одну, но «свою» идею).

В какой-то период жизни Николай Васильевич переоценивал разносторонность своих дарований. Пишут, что он обладал незаурядными артистическими способностями, великолепно читал свои и чужие сочинения, но с актерской карьерой ему не повезло. Только занявшись литературным творчеством, почти сразу он продемонстрировал талант и превосходство над многими окружавшими его людьми.

Еще одна из черт характера писателя — скрытность. Он не любил делиться своими интимными переживаниями. В течение всей жизни у него практически не было настоящих друзей, а были лишь люди, его обожавшие, «слушающие», восхищавшиеся, ученики (последних, правда, были единицы). Наиболее близкие отношения у него сложились с соучеником по гимназии А. С. Данилевским, да и те постепенно сошли на нет. Гоголь все совершаемое для него добро принимал как должное и не любил платить тем же (так, вместо необходимой материальной помощи он мог дать «ценный совет»). До конца жизни, несмотря на болезнь, писателю был свойствен

необыкновенный практицизм — он общался только с нужными ему людьми, спокойно разрывая отношения, если человек ему становился не нужен, он был близок с теми, кто поддерживал его материально или мог устроить его дела, словом, максимально использовал и людей, и ситуацию в своих интересах. Каждому из нас приходилось сталкиваться с людьми, которые выглядят чудаками, не от мира сего, но очень неплохо ориентируются в вопросах собственного благополучия и в случае чего быстро перетягивают одеяло на себя. При этом Гоголь не был отъявленным прагматиком и скопидомом. Он жертвовал деньги церкви «на нищих» (правда, с условием, чтобы молились за его здоровье), «на бедных студентов университета», при этом сам испытывая затруднение в средствах. Он отказался от своей доли наследства в пользу матери и сестер. Такая пестрота личностных черт и составляла характер Гоголя, способствующий созданию, с одной стороны, гениальных литературных трудов, а с другой — предрасполагающий к душевному расстройству. Все перечисленные черты характера усиливались с течением времени.

Один эпизод из жизни писателя, произошедший с ним в молодости, требует специальной (психиатрической) оценки. Окончив гимназию и приехав в Петербург в надежде на престижную работу, дающую средства и положение в обществе, Гоголь, несмотря на мизерность имевшихся у него денег, вдруг уехал за границу. Некоторые исследователи жизни и творчества писателя пытались объяснить эту поездку переживаниями, связанными с его первой литературной неудачей. Однако сам он писал: «Как бы то ни было, но *это противувольное мне самому влечение* (курсив наш. — *Прим. авт.*) было так сильно, что не прошло и пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться этому чувству, мне самому непонятному».

Речь шла в данном случае об импульсивном влечении, которое, являясь болезненным, чуждым нормальной психической деятельности индивидуума, требует, однако, его выполнения, как бы нелепо оно ни было. Гоголь последовал этому влечению, сел на корабль и прибыл в Германию. Он оказался в одном из красивейших ее городов — Любеке. Однако ко всему вокруг он остался равнодушен. Молодой человек (тогда ему был 21 год), мечтавший о заграничном путешествии, в город «въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто». Вернулся он в Петербург через полтора месяца совершенно спокойным. Это путешествие могло быть продиктовано болезненными состояниями, связанными с аффектив-

ными переживаниями (тревогой), галлюцинациями или бредовыми идеями. В дальнейшем переезды, путешествия, проживание «в чужих краях» станут постоянными событиями в жизни Гоголя. Его отъезды из России и переезды из одной страны в другую будут напоминать бегство. Да это и было бегством от болезни. Он никогда не обзаведется семьей, не будет иметь собственного дома. Такие обстоятельства обычно сопровождают людей с характерологическими отклонениями или психической болезнью.

С молодого возраста у писателя чередовались периоды творческого подъема и состояния слабости и подавленности. При этом окружающие то чаще, то реже замечали непонятные изменения и противоречия в поведении писателя, в его общении с людьми. Подобные изменения в характере и поведении Гоголя обусловили также противоречивое отношение к нему современников. Были люди, которые все ему прощали и продолжали боготворить писателя до конца его жизни, но были и ненавидевшие его, пытавшиеся «разоблачить», всячески подчеркивающие негативные стороны его характера.

Все произведения Гоголя, принесшие ему всемирную славу, написаны примерно до 1843 года, когда ему исполнилось 34. Ворвавшись в литературу с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», он вскоре очаровал читателей «Миргородом», затем «Петербургскими повестями» («Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего»), а потом были написаны «Тарас Бульба», «Ревизор», перевернувший представления о театральных постановках, наконец, «Мертвые души». Этого неполного списка достаточно, чтобы оценить титанический труд Гоголя. Он тщательно отшлифовывал свои произведения, перерабатывал, исправлял их; повести выходили повторно в новых редакциях. Они буквально искрятся юмором, или в них едко высмеиваются пороки и мерзости тогдашней жизни. Но сквозь обилие юмористических и сатирических образов и ситуаций проглядывает поразительное понимание переживаний «маленького (обычного. — *Прим. авт.*) человека» и глубокое сочувствие ему. Своеобразие мышления и творческого метода Гоголя позволило ему создать произведения, которыми восторгались и на которых учились не только русские писатели, хотя при жизни автора они не были оценены. Такова, например, повесть «Нос» — предвестница гениальных творений Ф. Кафки (вспомните рассказ последнего «Превращение»), появившихся сто лет спустя. Все это и многое другое было создано Гоголем примерно за 12 лет, и тем

более удивительно, что за это время он перенес несколько периодов выраженного болезненного состояния (о них мы упоминали выше), когда у него было пониженное настроение, почти исчезала способность сочинять, появлялись неприятные ощущения в животе, запоры. Эти периоды с легкой руки тогдашних докторов называли «геморроидальной болезнью». Такой терминологии придерживался и Гоголь, обращая внимание в начале болезни в первую очередь на нарушения работы желудочно-кишечного тракта (симптом нередкий при депрессивных состояниях).

Первые отчетливые состояния психического нездоровья были отмечены у него в 1833 и 1837 годах. Длились они по нескольку месяцев и характеризовались творческим застоем, унылым настроением, жалобами на физическую слабость и «ненормальную» работу желудка. Гоголь так описывал свое состояние: «...нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое. Все мне бросилось разом в грудь... Я испугался; я сам не понимал своего положения; бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидячей жизни. Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле не испытанное, усилилось... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни в постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно».

После этого наступал период подъема, и Гоголь продолжал творить, восхищая близких ему людей юмором и сарказмом. В 1840 году он писал: «Я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное, я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия, в котором я находился и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко... Я, позабывши все, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу...».

Однако и в «светлые промежутки» он не чувствовал себя полностью здоровым. В это время он пишет: «Увы! Здоровье мое плохо! ...Если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья!.. Но работа моя вяла, нет той живости... *Эта несносная болезнь. Она меня сушит*. Она говорит мне о себе каждую минуту и мешает мне заниматься». Или

так: «Тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестанно стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать».

Все это подтверждает наличие у писателя аффективных колебаний (подъемов и спадов), которые мы наблюдаем у многих талантливых людей. Примерно с 26—27 лет болезнь принимает непрерывный характер и приводит к необратимым изменениям личности, в конечном итоге отражаясь и на его творчестве. Описанные выше противоположные аффективные состояния (подавленность и подъем) принимали более выраженный характер, а границы их как бы размывались (периоды благополучия постепенно исчезли). Вот как описывает это Гоголь в 1842 году: «Я был болен, очень болен и еще болен доныне внутренно; болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напоминало мне ужасную болезнь мою в Вене, а особенно, когда я почувствовал то подступающее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетавший в мыслях, обращало в исполина, всякое чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние». Мы видим, что границы аффективных состояний стерты (экстаз и тоска не разносятся во времени), а сознание носит характер сновидного.

Гоголю смолоду был свойствен определенный мистицизм, который некоторые биографы связывали с влиянием матери, большой любительницы «страшных историй». Писатель их живо воспринимал, и в дальнейшем у него не было практически ни одного произведения, где не действовали бы колдуны, покойники, утопленницы и тому подобные персонажи. Слушая сказки и песни на Украине, он впитывал их и блестяще использовал в повестях. Его мышление уже в молодости отличалось большой склонностью к фантазиям и мистическим построениям. А. С. Пушкин при описании фантастического сна Татьяны использовал персонажей небольшой фламандской картины «Искушение святого Антония», висевшей в Тригорском, где он видел «остов чопорный и гордый» и «ведьму с козьей бородой». Гоголю же для описания «страшных» сцен не нужны были никакие картины, он легко все выдумывал сам, таков был склад его мышления. Вспомните: «Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над зем-

О. Ф. Ерышев, А. М. Спринц

ЛИЧНОСТЬ И БОЛЕЗНЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНИЕВ

2-е издание, дополненное

Редактор *Гриб А. А.*
Корректор *Мешкомаева Л. А.*
Компьютерная верстка *А. П. Тархановой*

Подписано в печать 06.04.2015. Формат 60 × 88 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 16. Тираж 1000. Заказ №

ООО «Издательство „СпецЛит”»
190103, Санкт-Петербург, 10-я Красноармейская ул., 15
Тел./факс: 495-36-09, 495-36-12
http://www.speclit.spb.ru

Первая Академическая типография „Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 978-5-299-00666-7

9 785299 006667